

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВОЛОГОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

*Посвящается юбилею
доктора филологических наук,
профессора
Людмилы Григорьевны Яцкевич*

СЛОВО И ОБРАЗ В КУЛЬТУРЕ РУССКОГО СЕВЕРА

Сборник научных статей

1463646

ВОЛОГДА
2014

СОДЕРЖАНИЕ

Историческая лексикология и ономастика Русского Севера

Андреева Е.П. Составные наименования в региональном словаре специальной лексики	5
Берсенева Л.А. Названия плотницких операций в памятниках деловой письменности Русского Севера XVI–XVII вв.	12
Варникова Е.Н. Клички русских гончих и борзых начала XX века	17
Загумённов А.В. Посник Бельский как языковая личность XVII в.: опыт уровневой реконструкции.....	23
Кознева Л.М. Вологодский краевед, собиратель народного слова Иван Николаевич Муромцев.....	29
Смольников С.Н. Экклезионимы в книге И.К.Степановского «Вологодская старина»	33
Судаков Г.В. Ойконимы Вологодчины: структура и функционирование	41

Слово и образ в диалектной речи

Драчева Ю.Н. К вопросу о динамике концепта <игра> в диалектном дискурсе (на материале вологодских текстов о детстве)	49
Зорина Л.Ю. На хомоськой стороне, или О том, как говорят жители Бабушкинского района Вологодской области (по материалам диалектологической экспедиции 2014 года)	53
Карачева Н.Н. Речевой портрет Нины Дмитриевны Шиловской (на примере текстов о народной кухне).....	62
Михайлова Л.П. (Петрозаводск) О Словаре вологодских говоров	66
Черняева М.И. Беседы о крестьянской кухне как материал для описания диалектной языковой личности.....	69

Слово и образ в литературном произведении

Байний С.В. С.М. Городецкий как критик творчества Н.А. Клюева	74
Баранов С.Ю. На фоне Пушкина, Лермонтова и Гоголя (Поэма Фомы Вахрушева «Гусар»)	82
Белова Н.С. Н.В. Гоголь и А.М. Ремизов: женщины, кикиморы и кошки	115
Гладцинова М.Н. Архетипичность семантических связей в поэзии Н.А. Клюева	120
Головкина С.Х. Поэтическая фразеология терминов родства в поэзии Н.А. Клюева	126
Иванищева А.А. Система персонажей романа В.Ф. Одоевского «Русские ночи» в свете гносеологической проблематики романтизма (обыденное и дисгармоничное познание)	133
Комлева Н.В. Венеция Беллы Ахмадулиной (опыт лингвистического анализа поэтического текста).....	140

Малков С.Н. Восная служба... / С.Н. Малков // Лермонтовская энциклопедия. – Москва, 1981.

Нестор (Кумыш), игумен. Поэмы Лермонтова как основные вехи его духовного пути / Нестор (Кумыш) – Москва, 2008.

Полякова Л. Роскошь форм и образов: Перечитывая «Тамбовскую казначайшу» М.Ю. Лермонтова [Электронный ресурс] / Л. Полякова // Тамбовский альманах. – № 10 (ноябрь 2010). – Режим доступа: <http://niknas.narod.ru/tambovsp/ta/ta10/ta10-pol.htm>

Пумянский Л. Стиховая речь Лермонтова / Л. Пумянский // Литературное наследство. – Т. 43–44: Лермонтов (1). – Москва, 1941.

Пушкин А.С. Граф Нулин / А.С. Пушкин // Пушкин. Полн. собр. соч. – Т. 5. – Москва; Ленинград, 1948.

Пушкин А.С. Евгений Онегин / А.С. Пушкин // Пушкин. Полн. собр. соч. – Т. 6. – Москва; Ленинград, 1937.

Пушкин А.С. Заметка о «Графе Нулине» / А.С. Пушкин // Пушкин. Полн. собр. соч. – Т. 11. – Москва; Ленинград, 1949.

Пушкин А.С. Заметки на полях 2-й части «Опытов в стихах и прозе» К.Н. Батюшкова / А.С. Пушкин // Пушкин. Полн. собр. соч. – Т. 12. – Москва; Ленинград, 1949.

Розанов И.Н. Ранние подражания «Евгению Онегину» / И.Н. Розанов // Временник Пушкинской комиссии. – Вып. 2. – Москва; Ленинград, 1936.

Слащев К.Р. Демографическая ситуация в городе Тотъме в конце XVIII века / К.Р. Слащев // Тотъма: Краеведческий альманах. – Вып. 3. – Вологда, 2001.

Смирнова Н.В. К вопросу о жанровой природе подражаний «Евгению Онегину» / Н.В. Смирнова // А.С. Пушкин: Проблемы творчества. – Калинин, 1987.

Справочная книжка для Вологодской губернии на 1853 год. – Вологда, 1853 (вклейка).

Худошина Э.И. О сюжете в стихотворных повестях Пушкина («Граф Нулин», «Домик в Коломне», «Медный всадник») / Э.И. Худошина // Болдинские чтения. – Горький, 1979.

Эйхенбаум Б.М. О Генри и теория новеллы / Б.М. Эйхенбаум // Звезда. – 1925. – № 6.

Эткинд Е.Г. Разговор о стихах / Е.Г. Эткинд. – Москва, 1970.

Н.С. Белова

Н.В. ГОГОЛЬ И А.М. РЕМИЗОВ: ЖЕНЩИНЫ, КИКИМОРЫ И КОШКИ

В 1905 году А.М. Ремизов поселился в Петербурге, где сблизился с кругом писателей-модернистов и стал заведовать журналом «Вопросы жизни». Он общался с А. Блоком, А. Белым, А. Куприным, А. Ахматовой, Ф. Сологубом. Уже тогда Ремизов ориентировался на традиции писателей-классиков.

У Гоголя его привлекало соединение лирического, мистического, гротескного, у Лескова – сказовая форма повествования и поиски праведников, у Достоевского – тема страдания человеческого.

С точки зрения исследовательницы Н. Блищ, Н.В. Гоголь обладал особым художественно-эстетическим статусом для А.М. Ремизова и провоцировал на авторскую эксклюзивную интерпретацию тайны судьбы и творчества. Так,

уже в начале эмигрантской жизни Ремизов напишет: «Гоголь – современнейший писатель – Гоголь! К нему обращена душа новой возникшей русской литературы по слову и по глазу» (Блищ 2012: 85).

По мнению Ремизова, «из “оркестра” Гоголя вышли: Достоевский, Аксаков, Салтыков-Щедрин, Тургенев, Писемский, Мельников-Печерский. И самое значительное слово о учителе принадлежит “оркестру”» (Ремизов 2002: 149).

Большая часть ремизовской книги «Огонь вещей. Сны и предсонье» посвящена именно Николаю Васильевичу. Фигура Гоголя – основополагающая в произведении: ее осмысление предшествует исследованию художественных миров не только Тургенева, Достоевского, но даже и Пушкина, ведь, по убеждению автора, «с Пушкина все начинается, а пошло от Гоголя» (Ремизов 2002: 247). Позже Ремизов замечал: «К Гоголю тропа – надо взять на себя великий подвиг» (Ремизов 1992: 14).

Писатель любит великого мистика за смех – не простой, за инфернальный смех, за невидимые миру слезы: «Гоголь в жизни никогда не заплакал» (Ремизов 2002: 142). Любит Ремизов писателя и за его «сны»: «Все творчество Гоголя от Красной свитки до Мертвых душ можно представить, как ряд сновидений с пробуждениями во сне» (Ремизов 2002: 152).

Алексей Михайлович делает акцент на важности в литературе фигуры писателя: «А между тем вся русская литература вышла из Гоголя и без “Мертвых душ” не было бы и “Войны и мира”» (Ремизов 2002: 259).

По мнению Ремизова, самый проникновенный отзыв о Гоголе – у В. Розанова: «...никогда более страшного человека <...> подобия человеческого не приходило на нашу землю» (Ремизов 2002: 240). А позже Розанов и вовсе назовет Гоголя «Кикиморой». Им не случайно выбран именно мистический и именно женский персонаж. Эта Кикимора не раз появится в книгах обоих писателей.

Известно, что Гоголь затрагивал «женскую тему» в произведениях разных лет и разных жанров – в «Ревизоре», «Мертвых душах» и многих других. В сборнике «Миргород», в повестях «Тарас Бульба» и «Вий», писатель подчеркивает «магическое действие демонической красоты» героинь: «Я видел синюю искаженную, стучащую зубами и взвизгивающую, а еще вчера страшную сверкающую красоту – простирая руки, задыхаясь, слепая, она ловила руками» (Ремизов 2002: 148). Женщина здесь приобретает мистические, даже дьявольские черты, может привести мужчину к моральной или физической гибели.

Даже обычная, казалось бы, губернаторская дочь в «Мертвых душах» предстает в необычном свете. Ремизов называет ее «панночкой-русалкой»: «Явление панночки-русалки, как напоминание о преступлении, встретится дважды: <...> его бричка столкнется с коляской и он при виде золотистой незнакомки в восторге одуреет до потери слов, и во второй раз <...> на балу у губернатора <...> он узнает в губернаторской дочке свою золоти-

стую незнакомку и, забыв все на свете, растерянный, будет с усилием припомнить о том, что он забыл» (Ремизов 2002: 178). Образ русалки Гоголь введет и в «Страшную месть» – свое самое мистическое повествование, и в «Майскую ночь».

Если продолжать разговор о мистичности, то символична и серая кошечка Пульхерии Ивановны из «Старосветских помешников», потерявшаяся и снова вернувшаяся – она воспринимается как знак смерти: «...кошка была не ее пропавшая, серенькая – ту давно дикие коты съели – а именно оборотень какого-то демона первородного проклятия» (Ремизов 2002: 144). Эту же кошку видим у Гоголя и в «Вечере накануне Ивана Купала». И все та же кошка – мачеха панночки из повести «Майская ночь, или Утопленница»: «Глядит: страшная черная кошка крадется к ней: шерсть на ней горит, и железные когти стучат по полу» (Гоголь 1952: 59). И все та же кошка возникнет и в «Иверене» Ремизова – в истории Оде из Устьысольска, к которой сама Кикимора являлась в обличии зверька: «И вдруг видит: из-за печки кошка – в доме не было кошек – и очень большая, таких она никогда не видела. <...> Оде ни-чуть не испугалась: или от того, что уж очень чудная кошка, неправдошняя. Не испугало Оде и то, что лапа с блестящими когтями показалась чересчур холодная и какая-то легкая, приставная» (Ремизов 2000: 417). Кроме девочки, никто не видит кошку, а Кикимора полюбила Оде как родную дочь, умывает ее, причесывает, играет. С тех пор девочка стала смотреть через: «С этого дня Оде не узнать было. И с каждым днем она становилась беспокойнее» (Ремизов 2000: 412). Девочка умрет от любви, любовь Кикиморы сильная: «Кикимора, играючи, задушила!» (Ремизов 2000: 429). По мнению же Ремизова, «Кикимора – существо добро: зла не хочет, зла на уме не держит» (Ремизов 2000: 242). По словам исследовательницы О. Раевской-Хьюз, этот рассказ про семью хозяйки, где поселяется рассказчик, начинается как сказка. У нее три дочери: старшая, по профессии учительница, воплощает рациональное, человеческое, современное начало; вторая – «зырянка» – начало зверино-чистое, животное, она – «все-таки человек»; и младшая дочь – иная, отмеченная, как в сказке. Она – лунатик, и ее выбирает себе в подруги Кикимора. Наделенная необычайной чуткостью, младшая дочь олицетворяет потустороннее в человеке. Отмеченная нездешней печатью девочка умирает, задушенная поцелуем Кикиморы (Raevskaya-Hyuz 1986: 45). Важно отметить тот факт, что Кикимора видится Оде как женщина, похожая на ее старшую сестру: «Перед ней стояла вся в легком весеннем пухе такая, как Марианна, – и эти папоротниковые гла-за – зсленое с черным – выблескивали волшебным купальским цветком». «Рациональная» учительница вдруг преображается, получая черты загадочные, мистические, сливается с Кикиморой.

В том же «Иверене» автор выводит забавный и жуткий образ Лукреции, которая «питалась луком жареным и сырым для “пищепитания” и чтобы развлекаться: она ела лук, как лущат подсолнухи, или по-сибирски – под мелкие кедровые орехи в молчанку разговаривают» (Ремизов 2000: 330). О. Раевская-

Хьюз назовет ее «растительной квартирной хозяйкой». Автор не раз намекает на нечеловеческую природу этого персонажа: «И узнать ее было из всех по ее луковому перу – изжелта-зеленые губы и желтое в зелень от висков к носу и еще по чистоте зеленого скелета» (Ремизов 2000: 331). «И спит ли она точно или прозябает, как все в природе, что слышит, видит и чует, но человеческому уху немо» (Ремизов 2000: 332). Ремизов замечает еще одну странность в хозяйствке: «Лукреция во сне разговаривала сама с собой – да сама ли только с собой?» (Ремизов 2000: 333). Но соседи писателя не слышат этого «жуткого нечеловеческого разноладного голоса» (Ремизов 2000: 333). Здесь сам Ремизов схож с Гоголем, слышащим и видящим то, что другим не дано. Он отмечает, что Лукреция так и осталась для него загадкой: «Одно я понял, что несет она в сердце едкую горечь – эта луковая горечь сю и водит в тайный час ночи, и все для нее огоркло, и смех и песня, мечта и надежда, а ее сонный страх, как всполох» (Ремизов 2000: 333). Создавая образ женщины, Ремизов использует мистические нотки Гоголя.

В книге «В розовом блеске» автор не раз подмечает гоголевские черты в главной героине: «К этому времени относится одно загадочное явление,писанное Гоголем: окликающий голос, который преследовал Олю. <...>

– Оля – Ольга, – и с двойным вздохом протяжно: гха – гха...» (Ремизов 1990: 513).

Такой же голос слышал сам Гоголь в детстве и перед самой смертью, когда сжигал свои рукописи и отказывался от еды. Есть этот голос-вестник смерти и в «Старосветских помешниках».

Странница Ильина так скажет про Олю, отмечая ее «нездешность»: «Все мне в тебе нравится: ты хорошая. Одно только у тебя – и это может помешать – нездоровое начало есть: мистическое».

Позже, после перерождения Ольги в Серафиму, она, проснувшись от кошмара, снова вспомнит Гоголя: «Страшно! – говорила она, – мне приснилось, как у Гоголя – Страшная месть» (Ремизов 1990: 652). Неслучайно всю жизнь преследовало Олю-Серафиму что-то необъяснимое, что-то по-гоголевски ужасное, оно лишило ее высшего дара – дара материнства, оно заставило прозябать в бедности. Страшная месть – наказание за нарушение обета, который Оля дала в юности. Ремизов замечает после кошмарного сна Серафимы: «И я, очнувшись, погасил в себе лунную память» (Ремизов 1990: 652). «Лунная» Ольга и «пламенная» Серафима имеют одну судьбу, Серафима расплачивается за грехи Ольги: «Оле надо было умереть, чтобы под другим именем начать жизнь – свою страду» (Ремизов 1990: 639).

Серафима Ремизова-Довгелло отчасти повторит судьбу Гоголя: этот странный голос, который также преследовал ее в детстве, вновь появится – уже во сне перед смертью, начнется борьба – четыре ночи борьбы.

Ремизов на протяжении всего творческого пути рисует мифические, мистические, фольклорные образы, среди которых и образ Кикиморы. Она – в скандальном стихотворении «Кикимора» («Северные цветы», 1905), одно-

именной «завитушке» 1922 года, она – дух судьбы в повести «В сырых туманах» (1945–1946). Ремизов верил, что это не надуманный, не фольклорный персонаж, убеждал, что встречался с Кикиморой на волшебной зырянской земле: «Я видел ее однажды весенним ранним утром в Устьсыольске, где солнце не заходит, – какая мордочка умора! И какая вся... чистила себе копытце, помню, а в голове, я это видел по выражению лица, и выдумка и рой проказ» (Ремизов 2002: 244). Ремизов даже идентифицировал себя с ней.

Гоголя Д.С. Мережковский, В.Я. Брюсов и другие писатели Серебряного века сопоставляли с колдуном, с чертом или с демоном. Ремизов же в своей «завитушке» называет писателя-мистика Кикиморой. По мнению Ю.В. Розанова, в тексте Ремизова тема психологизации кикиморы развивается синхронно с процессом идентификации Гоголя с этим мифологическим персонажем. «Новая» кикимора, сохранив прежнюю веселость и озорство («Гоголевская лирика в «Мертвых душах»! – Кикимора – озорная»), приобретает еще и явно выраженные трагические черты. «Устремления» кикиморы писатель соотносит с мечтами Гоголя о «живой душе», о «настоящем человеке», с его религиозными иссканиями (Розанов 2009). Для Ремизова тайное имя Гоголя – Кикимора: «Кикимора влечется к человеку. И нет никого чудней и смехотворней, и чары ее – смех. Эти чары – Гоголя» (Ремизов 2002: 242).

Литература

Блиц Н.Л. Металитературный миф А.М. Ремизова о Гоголе и гоголиана начала XX века / Н.Л. Блиц // Уральский филологический вестник. – Серия: Русская литература XX–XXI веков: Направления и течения. – 2012. – № 1.

Гоголь Н.В. Вечера на хуторе близ Диканьки / Н.В. Гоголь. – Москва, 1952.

Раевская-Хьюз О.П. Волшебная сказка в книге А.Ремизова «Иверень» / О.П. Раевская-Хьюз // Slobin G. Aleksej Remizov. Approaches to a Protean Writer, 1986.

Ремизов А.М. В розовом блеске / А.М. Ремизов. – Москва, 1990.

Ремизов А. Доля [Электронный ресурс] / А. Ремизов. – Режим доступа: <http://www.migrantika.ru/bib/281-bookv>

Ремизов А.М. Избранное. Повести. Литературные силуэты. Воспоминания / А.М. Ремизов. – Москва, 1992.

Ремизов А.М. Собр. соч.: в 10-ти томах. – Т. 7. Ахру / А.М. Ремизов. – Москва, 2002.

Ремизов А.М. Собр. соч.: в 10-ти томах. – Т. 8. Подстриженными глазами. Иверень / А.М. Ремизов. – Москва, 2000.

Розанов Ю.В. Фольклоризм А.М. Ремизова: Источники, генезис, поэтика: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Ю.В. Розанов. – Великий Новгород, 2009.